

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4552882>

Один раз, когда Корво отравили...

Направленность: Джен

Автор: Too-ticki (<https://ficbook.net/authors/1777410>)

Фэндом: Thief, Dishonored (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Корво Аттано, Аутсайдер, Дауд, Билли Лерк, Каллиста Карноу, Лидия, Тревор Пендлтон и его братцы, Пьеро, Соколов, мимоходом адмирал Хэвлок и Эмили

Рейтинг: G

Жанры: Ангст, Юмор, Стёб, Пропущенная сцена

Предупреждения: ООС, Смена пола (gender switch)

Размер: планируется Драббл, написано 20 страниц

Кол-во частей: 8

Статус: в процессе

Описание:

Тысяча и один способ отравить Корво. Серия драбблов.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Внезапно выяснилось, что не все корвы еще как следует отравлены.

ТОС

ТОС	2
...потому что много болтал, напившись бренди, зато почти по канону	3
...и это была Лидия, но по чистой случайности	5
...а Пьеро так и не пришел к мысли, что тестировать новые эликсиры на живых лордах-защитниках — нехорошая идея	6
...потому что Дауд хотел как лучше, а вышло как всегда	9
...потому что Аутсайдер решил, что девкой был бы краше	12
Примечание к части	13
...потому что Билли Лёрк ревнует	14
...печенькой	17
...из-за тонкой душевной организации (а еще потому что у Тревора Пендлтона никогда не было хорошего психотерапевта)	21

...потому что много болтал, напившись бренди, зато почти по канону

— Вот скажите мне, Морган... зачем вы вынудили меня убить этого лорда Шоу? Он был такой славный человек, — сказал Корво, пьяный в жопищу.

— Я Тревор, — поправил лорд Пендлтон и подлил еще бренди «Кинг-стрит» в наполовину пустой стакан королевского защитника.

— Да! — согласился Корво, неверной рукой воздел стакан в воздух и опасно махнул им в сторону лорда Пендлтона. Это призван быть жест дружелюбия, но вышло так, что Корво едва не выбил лорду глаз. Изрядная часть бренди выплеснулась на стойку, остальное королевский защитник опрокинул себе в глотку, потом аккуратно, насколько мог, поставил стакан на потемневшее от времени и пролитой выпивки дерево и снова вернулся к теме, которая сейчас занимала его пьяную голову. Корво славился своей цепкостью, ничто не могло отвлечь его от единожды выбранной цели.

— Лорд Шоу... Такой милый, обхд... об-хо-ди-тель-ный человек, не сделал мне ничего плохого... Зачем эта дуэль, почему?.. Вы подставили меня просто, Кастис!

Вечеринка в пабе «Песья яма» была в самом разгаре. Лоялисты бурно праздновали полный и жестокий разгром своих политических противников и грядущую реставрацию монархии. Некоторые из них делали это в излишне близком контакте с бутылкой.

— Я Тревор, — повторил мрачный и относительно трезвый лорд Пендлтон, подумал, налил бренди «Кинг-стрит» лорду-защитнику, потом подумал еще, налил до краев и себе тоже и выпил все в один глоток.

— Тревор, Кастис, Морган... Какая разница, Пендлтон, как вас зовут? — риторически спросил Корво, уткнувшись носом в стакан, снова полный бренди. — Вы все трое на одно лицо, только бы по девкам шляться. Теперь-то, впрочем, никто вас не перепутает, когда от своих братцев вы избавились... И опять моими руками! А я вот прст... при-стре-лил этого несчастного лорда Шоу — которому вы первым послали вызов, между прочим, и я даже не знаю, чем он вам не угодил!.. и подумал — вы же просто используете меня, чтобы сводить личные счеты. Я теперь кто-то вроде девочек из «Золотой кошки», с которыми любили тешиться ваши братцы, пока у них языки были на месте... Я опозорил свое оружие, свой титул. Я королевский защитник, а не бл... бандит с Боттл-стрит, которого нанимают набить рожу и даже не снисходят посвятить в подробности. Зачем я с вами связался?

По небритым щекам Корво потекли слезы.

— Ради этого? — спросил лорд Пендлтон и ткнул в сторону пальцем, слегка подрагивающим то ли от ярости, то ли от выпитого залпом бренди. Корво посмотрел на тонкий палец лорда и его нервно обкусанный ноготь, потом проследил направление, которое тот указывал. Сквозь винные пары он разглядел в углу на кожаном диванчике Эмили. Та подпрыгивала на месте, размахивая новым, еще незаконченным рисунком, и кричала что-то о том, как станет королевой морлийских пиратов и будет плавать по морям вместе с Корво и целой армией колдунов из Пандуссии, и побеждать всех на своем пути. На рисунке огромный кит с головой Корво пережевывал людей, фигурки которых были изображены небрежно, но узнаваемо. Из разверстой пасти кита-Корво торчала лысая голова ныне поверженного лорда-регента Хайрема Берроуза и чья-то откушенная нога. Над китом парил в воздухе подозрительно знакомый тип, с глазами, полностью закрасненными черным карандашом.

— Да... — неуверенно сказал Корво, снова посмотрев на Пендлтона. Потом кивнул

так, что упавшие на глаза нестриженные пряди окунулись в стакан с бренди, и повторил, теперь уже твердо. — Да! А вы знаете, Тревор, как я любил ее мать? Ммм? Как любил... Вот когда был последний праздник Фуги...

— Увольте меня от этих подробностей, — быстро сказал лорд Пендлтон. Без того не слишком здоровый оттенок его кожи теперь казался зеленым.

— Что вы всё время затыкаете мне рот! — возмутился Корво и зарыдал снова, теперь срываясь на крик. — Нет, вы не заставите меня молчать, я и так постоянно молчу, а сейчас я скажу всем... Джессамина! Моя...

— Хэвлок! — завопил лорд Пендлтон в панике. — Сделайте что-нибудь... с этим, я вас умоляю!

— Какая боль, — патетически прошептал Корво, лег лицом на стойку и прикрыл глаза. — Джессамина... Кровь, смерть, крысы... Меня никто не слушает... Нет, я этого не выдержу, я отравлюсь!

— Это мы сейчас организуем, — деловито сказал адмирал Хэвлок, появляясь рядом с ним со стаканом в руках.

...и это была Лидия, но по чистой случайности

— Как можно подпускать его к ребенку? Он ворует еду!

— Ну, дорогая, это можно ему простить. Где бы мы все были, если не он? Мой дядюшка, капитан Карноу, вовсе был бы мертв, а ты переживаешь из-за пропажи пары тарталеток, он был голоден... — сказала рассудительная Каллиста.

— Да, но он мог просто попросить! — воскликнула Лидия. — В конце-концов, он мог ухватить тарталетку и идти себе дальше, как делают все благородные господа, они ведь никогда не обращают на нас внимания... Но появиться из ниоткуда, цапнуть целое блюдо, забраться с ним на плафон люстры и там все молча съесть и засыпать ковер крошками — это слишком!

— Ах, дорогая, ты, конечно, права, — сказала Каллиста. — Эмили совершенно перестает учиться, когда Корво рядом, и тоже начинает делать странные вещи, но она так его любит, а он так о ней заботится... В высших кругах ходят слухи, что у лорда-защитника были несколько двусмысленные отношения с императрицей... О, пожалуйста, только не распространяй это среди слуг! Я хочу сказать, что их привязанность друг к другу вполне понятна и Корво... Он нужен нам всем.

— Да-да, — сказала Лидия, — я и не спорю, но знаешь... Мне кажется, один раз я видела, как он ест крысу.

— О, ну ты же знаешь, в каких ужасных местах ему приходится бывать в последнее время, — снисходительно сказала Каллиста. — Все эти бандиты и нищие... Они жарят крыс и едят их, в этом нет ничего особенного, сейчас такие времена, мы и сами скоро начнем жарить крыс, если так пойдет дальше...

— Нет-нет! — сказала Лидия. — Ты меня не понимаешь. Он ел сырую крысу, кажется, даже не выпотрошенную.

— О! — сказала Каллиста. — Тебе показалось.

— Кстати, я сегодня потравила крыс в пабе, — сказала Лидия, — а то их что-то стало много, еще не хватало, чтобы кто-нибудь подцепил чуму. Везде рассыпала крысиного яда.

Рядом раздался подозрительный хруст, будто кто-то раскусил куриный хрящик. Молодые дамы синхронного повернули головы. На стойке бара на корточках сидел Корво, изо рта у него свисал белый крысиный хвостик. Корво сглотнул и хвостик исчез между его губ.

— О нет! — сказала Лидия.

...а Пьеро так и не пришел к мысли, что тестировать новые эликсиры на живых лордах-защитниках — нехорошая идея

— Корво! Вы уже отправляетесь, да? Мы еще успеем с вами обсудить мою новую разработку, которую я вручу вам с собой. Это новый эликсир...

Лорд-защитник Аттано как раз в этот момент вытирал лицо и капли воды стекали с падающих на глаза мокрых прядей прямо на грязный пол. В старую металлическую раковину с ободранной на боках краской гулко лилась вода. Лорд Аттано бросил полотенце на спинку стула и завернул вентиль, стало тихо, если не считать взбудораженного голоса Пьеро, который что-то говорил о новом эликсире. Лорд-защитнику не хотелось его слушать.

— Пьеро, — сказал он. — Я никуда не собираюсь. Будьте добры, оставьте меня одного.

Пьеро осекся и обвел удивленным взглядом огромное и запыленное чердачное пространство. Здесь было почти пусто, если не считать кровати в углу, небольшого стола, ржавой раковины и тумбы с тусклой лампой на ней — из-за этого чердак казался еще больше, чем был на самом деле, пыльный диван в чехле, что стоял в противоположном его конце под невымытым окном, казался таким же далеким, как Луна. Других свободных помещений в пабе «Песья яма» не оказалось, поэтому лорд-защитник, спаситель нации и отдельных аристократических шкур, спал здесь. Взгляд Пьеро вернулся к лицу лорда-защитника, и он наконец-то обратил внимание на то, что тот выглядит несколько утомленным. Многодневная щетина, покрасневшие белки глаз, вялые движения, да, Аттано определенно не производил впечатления бодрого вояки, который сейчас ринется в бой.

— Но-но-но... Я полагал, вы собираетесь отправляться к Башне Дануолла, чтобы покончить с лордом-регентом, — замямлил Пьеро. — Разве нет? Я вот тут принес вам целый арсенал, и мой новый эликсир...

— Пьеро, — сказал лорд-защитник, устало опираясь о спинку кровати, — я вас от души благодарю за то, что вы так болеете за наше дело и за меня лично, но с Берроузом покончено сегодня ночью.

— В самом деле? — изумился Пьеро. — А я думаю, что это все так бурно празднуют внизу... Значит, лорда-регента больше нет с нами?

— Думаю, он уже в Колдридже, — сказал Аттано. — А что касается ваших новых эликсиров... Я отказываюсь иметь с ними дело после всего, что было. Оставьте меня, пожалуйста, я хочу спать.

Пьеро припомнил предыдущие опыты. Как-то во сне ему привиделся удивительный город, крайне мало похожий на Дануолл. Эти мрачные улицы, над которыми клыком вырастает страшная Часовая башня, разгул преступности, вооруженные патрули и липкий туман, безумные религиозные фанатики... Нет, столица империи, где Пьеро жил наяву, выглядела совершенно иначе, слава научно-техническому прогрессу.

Во сне же Пьеро оказался в незнакомой лаборатории, где обнаружил массу удивительных вещей, а когда проснулся — немедленно отправился экспериментировать. В результате на свет появилась целая серия новых эликсиров, которые никто так и не оценил по достоинству! Дивный стимулирующий коктейль, который позволял выпившему его краткосрочно развивать скорость вдвое больше обычной, стоял в ящиках у Корво на чердаке, ни один флакон так и не был откупорен. Там же грудой валялись веревочные

стрелы и пара перчаток изумительной конструкции, которые, по мысли Пьеро, должны были помочь лорду-защитнику быстро и незаметно забираться на стены в разных неожиданных местах, покорять карнизы домов и чужие окна. Пьеро гордился этим своим изобретением, подробная схема которого явилась ему во сне, как и все прочие находки последнего времени. Он находил крайне сомнительной и ненадежной всю эту черную магию, которой опрометчиво пользовался лорд Аттано. Никакого Аутсайдера и сопряженных с ним сил вовсе не должно быть в природе, а это значит, что силы эти могут в любой момент опомниться, что их на самом деле нет, — и отказать. Веревки, крепкие крюки и фармакология куда надежнее. Лорд Аттано, однако, считал иначе.

Да, надо признать, Пьеро предлагал использовать святую воду против зараженных чумой в последней стадии и даже всерьез просил доставить ему пару плакальщиков для эксперимента, — во сне это казалось таким убедительным! — но то было временное помутнение его рассудка и быстро прошло. Зато идея использовать бесшумно бьющиеся флаконы со сверхъскользким маслом для того, чтобы разливать его по пути следования ничего не подозревающего противника, была превосходной! Кто виноват, что Корво поскользнулся на масле сам и расшиб себе голову, а в другой раз стая крыс вылакала разлитую лужу до того, как офицер стражи, которому она предназначалась, успел к ней приблизиться? К тому же офицер, заметив голодных крыс, свернул с привычного маршрута и продолжил свой обход другой дорогой, так что цель — отвлечь и дезориентировать его, — была достигнута!

А уникальный в своем роде эликсир «Второе дыхание», предназначенный для тех случаев, когда человеку чересчур много времени предстоит провести под водой? Даже Соколову до сих пор не случалось изобретать ничего подобного, но лорд Аттано не стал и пробовать! Сказал, что эликсир, который полагается пить прямо под водой будучи на последнем издыхании — это бессмыслица, и клочками тьмы распался в воздухе, оборвав разговор. Эликсир медленного падения лорд Аттано согласился протестировать из вежливости, чтобы не оскорблять Пьеро очередным отказом. С крыши паба «Песья яма» лорд спланировал с грацией и опустился на землю безо всякого вреда для себя — и без всякой черной магии! Пьеро праздновал это как маленькую победу, но уже через пару часов Корво пошел красными пятнами, а к вечеру начал задыхаться, так что Соколову пришлось несколько дней лечить его от аллергии, перемежая язвительные замечания в адрес Пьеро с русским матом. Это был неприятный инцидент, безусловно, но наука — это не какие-то сомнительные руны, амулеты и дикие пляски на святилищах, она требует жертв!

— А что такого, собственно, было? — пробормотал Пьеро, выныривая из своих воспоминаний. — Я вот принес вам показать новую свою разработку. Эликсир невидимости, — Пьеро со стуком поставил маленький пузатый флакон с зеленоватой жидкостью на тумбу рядом с лампой. — Он пока имеет короткий срок действия... Но он работает! Я уже проверил его на крысах — около десяти секунд они остаются совершенно невидимыми... ну, если не считать писка и шуршания лапок. Конечно же, механические шумы, которые вы издаете при движении, могут выдать вас, и все же! — это превосходный эликсир, полезный... в вашей работе. Мда.

Пьеро совершенно смешался, и Корво стало его жаль.

— Это любопытное изобретение, Пьеро, — сказал он. — Конечно же, я попробую его с большим интересом.

Пьеро расцвел и воспылал.

— Прямо сейчас? — спросил он возбужденно.

Прямо сейчас лорду-защитнику хотелось спать, но отступать было некуда.

— Да, — сказал он, обещая себе подняться в спальню сразу же, как только Пьеро утолит свое научное любопытство. И больше никогда, никогда не попадаться на его провокации.

— Давайте спустимся вниз! — сказал Пьеро, ерзая от нетерпения. — Я хочу продемонстрировать это всем!

Внизу по-прежнему праздновали. Адмирал Хэвлок что-то бурно обсуждал с Тигом Мартином, слуги опустошали адмиральские запасы виски «Старый Дануолл», справедливо полагая, что сегодня никто не обратит на это внимания, Каллиста пыталась призвать к порядку Эмили, но тщетно, — как впрочем и всегда. Девочка требовала предоставить ей обнаженную натуру для рисования — настоящему художнику без этого никуда, а ее мастерство рисовальщицы должно выйти на новый уровень, — и ничего не желала слышать о математике.

— Господа! — сказал Пьеро громким голосом. — Господа, прошу внимания. Ему пришлось повторить это еще раз пять, прежде чем на него действительно обратили внимание. Пьеро прокашлялся и воздел вверх пузатый флакон с зеленоватой жидкостью.

— Вот это — эликсир, благодаря которому наш незаменимый, наш обожаемый лорд Аттано сейчас растворится в воздухе! Исчезнет!

Эмили испуганно вскрикнула, ей вовсе не хотелось, чтобы Корво исчезал. На лицах взрослых читались различные чувства, от недоверия до откровенной скуки и желания вернуться к прерванным разговорам и недопитому виски «Старый Дануолл».

— О, всего на десять секунд... — сказал Пьеро, глядя, как маленькая императрица испуганно прикрывает рот ладонью. — Эта формула явилась мне в сновидении, я работал над ней трое суток без сна и сегодня провел последние тесты на крысах. Она работает! Лорд-защитник, прошу вас.

Корво с усталым ужасом подумал о том, что мог намешать неспавший трое суток Пьеро, который до такой степени надышался химических паров в своей лаборатории, что, верно, ночами ему уже является Аутсайдер, но отступать было некуда. Лорд-защитник принял из рук Пьеро флакон, свинтил крышку и одним движением опрокинул его содержимое себе в глотку. Эликсир неприятно обжег горло. Корво посмотрел на свои руки — секунды шли, а они продолжали оставаться видимыми. Может быть, эликсир не действует на него самого, но окружающие уже перестали его видеть? Корво поднял взгляд, все люди в пабе смотрели точно на него с очевидным ожиданием во взглядах. Неожиданно Корво повело, он покачнулся, оперся рукой о стену, обитую старыми дубовыми панелями, почувствовал резкий приступ тошноты... Действительность окрасилась в мерзкие зеленые оттенки, поплыла, померкла. Корво упал на пол без сознания.

— Надо бы проверить состав, — сказал Пьеро, глядя на распростертое перед ним тело. — Адмирал Хэвлок, вы же дадите мне разрешение на патологоанатомическое исследование?

...потому что Дауд хотел как лучше, а вышло как всегда

— ...галерист Бантинг закрыл свои долги перед нами, а ваши новые картины доставлены в хранилище. Томас сейчас заносит их в каталог.

Билли Лерк стояла перед Даудом, выпрямившись, и отчитывалась о последних делах в своей привычной манере — деловито, последовательно и с легким налетом иронии. Ее левая рука была убрана за спину в изящном жесте — еще одна привычка. Где только подцепила ее бывшая трущобная девчонка. Всякий раз Дауду думалось, что в этой руке может быть нож. Сам Дауд стоял перед одним из грузовых ящиков, которыми были забиты его «апартаменты», и лениво перебирал винные бутылки. Поднимал одну, смотрел на бирки, недовольно морщился и клал обратно, потом поднимал другую. Стекланные бока негромко позвякивали, вино внутри — булькало.

— То музыкальное устройство, которое нам любезно передал один зритель... Я отчитывалась вам о нем в прошлый раз, пока оно работает и исторгает эти мерзкие звуки, мы не в состоянии пользоваться умениями, которые вы даровали нам. Мы вплотную занялись изучением этой их «шарманки», уже есть некоторые результаты, в следующий раз я предоставлю вам полный отчет.

Дауд неопределенно хмыкнул и Билли умолкла, будто ожидая от него какой-то реплики.

— Продолжай, — коротко сказал Дауд, по-прежнему на нее не глядя, занятый своими бутылками. Поза Билли стала немного более напряженной, — Дауд не мог этого не отметить, — но она послушно продолжила.

— Запасы усыпляющего яда подходят к концу, нам нужно отрядить кого-нибудь, чтобы пополнить их...

— Что я говорил на этот счет? — спросил Дауд, прерывая ее.

— Что яд надлежит использовать только в тех случаях, когда цель нужно взять живой. Мы не боимся проливать кровь, — процитировала Билли почти дословно его собственные слова, — но мастер...

— Не имеет значения, — сказал Дауд. — Переходи сразу к тому, о чем ты не хочешь говорить.

Билли напряженно вытянулась.

— Лорд-защитник Аттано. Есть недвусмысленные указания на то, что он и человек в железной маске, который за последнее время устранил некоторое количество ключевых персон в городе — одно лицо, — сказала она.

— Знаю, — сказал Дауд. — Оставишь письменный отчет со всеми свидетельствами по этому делу на моем столе... Тивианское красное. Дешевая дрянь... Продолжай.

Билли покосилась на большой металлический контейнер, который служил Дауду импровизированным столом — там уже громоздилась целая стопка отчетов, и они успели слегка припасть пылью.

— Мои источники говорят о том, что с Аттано разберутся его же собственные союзники. Позволю себе сказать, что мы можем сбросить его со счетов, мастер, — этот вопрос решится сам собой без нашего внимания, — сказала Билли.

Дауд снова неопределенно хмыкнул и убрал очередную бутылку вина обратно в ящик.

— Мастер? — сказала Билли. — Чем вы заняты?

— Всё — дрянь, — сказал Дауд, вернул на место тяжелую деревянную крышку и поднялся по металлическим ступеням наверх, на второй ярус, в свой спальный угол. Там он отпер ключом свой личный сундук, стоящий в изножьях кровати. Билли Лерк соткалась из воздуха рядом с ним, она сняла маску китобоя и Дауд теперь мог видеть

озадаченное выражение ее лица. Точно такое же, впрочем, каким он представлял его, когда маска была на ней.

— Серконосское, — сказал Дауд, бережно вынимая бутылку из сундука. — Превосходное вино. Распоследний сноб, если у него есть хоть какой-то вкус к винам, не сможет удержаться, чтобы его ни попробовать. Жаль портить его ядом, но чего ни сделаешь, чтобы угодить вкусам нашей избалованной аристократии.

— Мастер... я не понимаю... Вы хотите отравить его? О, у вас наверняка есть свои резоны и источники, которыми я не располагаю, но... — Билли определенно не улавливала хода его мыслей.

— Наоборот, — сказал Дауд. — Очевидно, к чему все идет. Маленький подарок нашим друзьям-лоялистам. Они не смогут отказать себе в удовольствии распить эту бутылку и тем отпраздновать то, что наш славный лорд-регент отправился в Бездну...

— Берроуз? — переспросила Билли. — Мертв? Убит? Я ничего не знаю об этом!

— Ты не знаешь, — согласился Дауд. — А чтобы Аттано не соблазнился этим вином вместе со всеми, вот что я сделаю...

С этими словами Дауд бегом спустился к своему рабочему столу, схватил перо, обмакнул его в чернильницу и каллиграфическим почерком с искусными завитушками вывел на бирке, которая украшала бутылку, слово «ЙАД».

— Мастер... что вы делаете? Что это значит? — спросила Билли, заглядывая ему через плечо.

— Корво, как и я, вырос на Серконосе, мальчишками мы говорили на одном языке. Он поймет и будет осторожен. Только он один и больше никто из этих аристократических ослов. Проследи, чтобы бутылка оказалась там, где нужно.

— Серконосское, — сказал адмирал Хэвлок и скривился. — Кто только прислал эту дрянь?

— Что вы такое говорите! — запальчиво воскликнул Корво. — Серконосское вино — первое в мире, достойное императорских погребов. Ценитель никогда не пройдет мимо серконосского вина. Не любить его — дурновкусие!

— С ним не было записки? — спросил лорд Пендлтон, принимая запечатанную бутылку из рук адмирала с выражением легкой брезгливости на лице. — Не удивительно, кто-то явно хотел выразить нам свое презрение и из трусости пожелал остаться неузнанным.

— Ха! Серконосское вино — очевидный повод вызвать наглеца, который вам его преподнес, на дуэль, — поддержал его адмирал Хэвлок.

— Дайте сюда! — сказал Корво, закипая от злости. — Вы ничего не понимаете в тонких винах, господа, так хоть не выдавайте своей неосведомленности. Я выпью его! Всё!

— Да пейте ради Бездны, — сказал адмирал Хэвлок и отправился прочь от стола.

Корво откупорил бутылку и зажмурился от удовольствия, вдыхая терпкий аромат своей юности. Союзники хлопали друг друга по плечам, воздевали бокалы и наперебой что-то кричали. Виски «Старый Дануолл» лился в глотки, патефон орал, играя одну за другой трескучие мелодии, Эмили болтала ногами и рисовала что-то, склонившись над одним из столов, захмелевший Пьеро клялся, что теперь, когда проклятый режим лорда-регента повержен, а юная императрица будет возведена на престол уже завтра, чума сойдет на нет сама собой — а если нет, то он, Пьеро, уже завтра изобретет новый эликсир, который решит все проблемы в столице, так у него на радостях просветлело в голове. Корво притянул к себе пустой бокал и налил в него золотистого серконосского

вина. Осушил, с удовольствием просмаковал вкус. Налил себе еще вина и снова выпил, а затем взял бутылку в руки, чтобы как следует рассмотреть этикетку.

— О... что это? — сказал Корво в воздух. Глаза у него стали большие и удивленные, а потом все заверте...

...потому что Аутсайдер решил, что девкой был бы краше

— Корво! Сегодня у меня было эротическое видение, которое никак не совместимо с моим достоинством... Это взволновало меня. Весьма непривычно, неприятно и так любопытно! Я решил немедленно это попробовать. Как тебе моя новая форма?

Корво в ужасе застыл перед святилищем. Аутсайдер висел в воздухе прямо перед ним, на уровне носа Корво маячила его грудь пятого размера, туго обтянутая кожаным корсетом. Ниже Корво смотреть боялся, а выше на него с вопросом во взгляде смотрела свеженькая девичья мордашка, подозрительно напоминающая Джессамину в юности. Впечатление несколько портили черные глаза без белков и привычный голос Аутсайдера, который тот изменить не догадался или не захотел. Корво в ужасе схватился за Сердце, то хрипло сказала.

— Чего ты от меня хочешь? У меня инфаркт! — и отключилось.

Молчание затягивалось, Аутсайдер обиженно надул пухлые губки.

— Ну? — спросил он.

Корво потрясенно молчал.

— Хорошо, — сказал Аутсайдер. — Решим этот вопрос иначе.

Когда Аутсайдер исчез, перед тем вернув себе привычный облик, а Корво наконец пришел в сознание, первое, что он обнаружил — это ту самую грудь пятого размера. У себя.

Весь остаток ночи прошел в ощущении бредового сна. Корво метался по башне Дануолла, где засел лорд-регент, и вырезал всех на своем пути — просто для того, чтобы никто потом не сказал, будто ему примерещилась в тени верхней галереи какая-то баба, одетая как лорд-защитник Корво Аттано и с его характерным серконосским профилем. Лорд-регент не успел даже испугаться, когда Корво перерезал ему горло, хотя в изначальном плане было постараться устроить все так, чтобы Берроуз отправился в тюрьму как узурпатор власти и государственный преступник. Корво уже сделал кое-какие шаги в этом направлении, но безумный Аутсайдер со своей эротикой смешал все его планы.

Обратно Корво плыл в молчании, отчаянно закутавшись в плащ и обхватив себя руками для надежности. Маски он не снимал. Лодочник Самуэль поначалу открыто и бесхитростно выражал лорду свое возмущение его неожиданно грубой работой, резню старик не одобрял, он удивлялся, беспокоился, потом замолчал. Лодка еще не успела причалить, когда Корво перенесся с нее куда придется, потом еще, и еще... Когда лорд-защитник обнаружил себя на маленьком каменистом пляже за башней Эмили, среди глыб и развалин, он наконец-то немного пришел в себя. Сюда никогда не приходили люди — пробираться сквозь каменные завалы было неудобно, а делать здесь было решительно нечего. Ни с башни, ни со стороны «Песьей ямы» никто не мог его увидеть.

Корво привалился спиной к холодному с ночи валуну и постарался расслабиться. Нервное напряжение прошедшей ночи было так велико, что он почти сразу заснул. Ему немедленно явился Аутсайдер, который пытался грязно приставать и доверительным шепотом, касаясь губами уха, рассказывал ему что-то про свои эротические фантазии. Корво проснулся с криком ужаса, не сразу осознал, что источник этого нечеловеческого ора — он сам, и рефлекторно зажал себе рот. Ладонь легла на холодные ребристые грани маски. Корво выждал немного и осторожно огляделся по сторонам. К счастью, на его крик никто не отозвался. Море плескалось под ногами, орали утренние чайки,

занимался рассвет. Корво встал и побрел в сторону паба. Надо обозначить свое присутствие, будет подозрительно, если он не явится вовсе. Маски не снимать, говорить мало, а лучше не говорить вообще — маска глушит голос, но не до такой степени, чтобы не отличить привычный голос Корво от женского контральто. Потом отправиться на ближайшее, какое удастся вспомнить или найти, святилище Аутсайдера и умолять этого извращенца вернуть все как было.

В пабе праздновали, кто-то весело орал приветствия «славному лорду Аттану», играла музыка, все хлопали в ладоши. Корво ни на что не обращал внимания. Все эти лица собравшихся вокруг людей, все эти устремленные на него взгляды... Ему хотелось одного — скорее бежать отсюда. Адмирал Хэвлок протянул ему стакан виски. Корво пробормотал что-то о своей крайней усталости, о том, что не останется праздновать свержение лорда-регента и просит у всех прощения, принял стакан и приподнял нижний край маски, чтобы промочить губы. Вовсе отказаться от дружески протянутой выпивки было бы чрезмерной грубостью.

— Осторожно! — прозвучал в его голове тревожный голос Аутсайдера, а картина окружающего мира слегка подернулась дымкой и привычными оттенками Бездны. — Здесь яд, Корво! Не пей этого! У меня большие планы на сегодняшнюю ночь...

«А, хрен с ним!» — подумал Корво и осушил стакан до дна.

Примечание к части

спасибо за вдохновение Амайе и ее фику "Dishonored. Как это бывает в разных жанрах"))

...потому что Билли Лёрк ревнует

Билли Лерк шагала по пустым залам Торговой палаты Радшора мимо старых архивных стеллажей и зарешеченных окон. Шаги Билли едва слышно отдавались в тишине огромного брошенного здания, иногда провоцировали тихий бумажный шорох, когда она наступала на старые истоптанные счета и папки скоросшивателей, разбросанные по полу. За окнами начинало светлеть, был пятый час утра и Билли совершала обход, пока остальные ассасины спали. Сегодня была ее очередь.

Голос Дауда она услышала еще до того, как оказалась рядом с его «апартаментами». Он звучал глухо и неразборчиво, но был легко узнаваем, иногда можно было разобрать отдельные слова. Билли подошла ближе и прислушалась. Пальцы автоматически легли на прохладное стекло, вправленное в створку высоких дверей, но Билли быстро отодвинулась и посмотрела вверх и в сторону. Быть замеченной и отвлечь мастера от беседы ей не хотелось, с кем бы он ни говорил в это неурочное время, зато узнать, о чем идет речь — очень. Дауд хозяйской рукой отхватил под свой кабинет и спальню большой двухъярусный зал, где занимал один несчастный угол, поскольку был неприхотлив, по природе аскетичен и устраиваться с размахом не умел, даже когда хотел. В зал вело несколько высоких застекленных дверей, и в одной из них в верхней створке было вынуто стекло, разбитое когда-то. Еще до того, верно, как ассасины обжили и обустроили под себя залы Торговой палаты, спешно оставленной чванливыми финансистами, сбежавшими от чумы. Осколки вынули, а застеклить пустую створку так и не дошли руки, там была дыра вполне достаточного размера, чтобы протиснуться какому-нибудь скользкому типу, если, конечно, у него хватит ловкости забраться на такую высоту без шума. Билли перенеслась и застыла в проеме, балансируя на тонкой раме и скрючившись в три погибели. Дверь могла бы предательски скрипнуть под ее весом, но Билли всегда своевременно смазывала петли.

Отсюда было лучше и слышно, и видно. Дауд в зале был один и записывал свою речь на аудиограф. Он склонен был вести дневники и Билли знала об этом давно. Временами она их почитывала, искренне надеясь, что Дауд этого не замечает. Ей не хотелось подслушивать сейчас, в его присутствии — запись была довольно личного характера, куда проще было бы прослушать ее позже, когда никого не будет рядом, — но часть слов она все равно уже услышала. Какой смысл уходить теперь? Билли осталась и наострила уши.

Дауд говорил об императрице — о последнем заказе, который оказался сложнее, чем ему думалось, о лорде-защитнике, который оказался там, где его меньше всего ждали, и о том, как что-то перевернулось у него, Дауда, внутри.

Дауд говорил: один аристократ хочет избавиться от другого и не испачкать перчаток, мы убиваем и получаем свои деньги, а затем приходит кто-нибудь еще и заказывает того первого, мы убиваем и его тоже и снова получаем свои деньги. Аристократов не становится меньше и нравы их не становятся лучше, сколько их не режь, и это к лучшему. Кто сказал, что заказ убрать императрицу должен отличаться чем-то от этой рутины? Но он отличался.

Дауд говорил еще: лорд-защитник был там, никто этого не ожидал, он должен был прибыть в Дануолл двумя днями позже. Я видел его глаза, когда его тащили прочь — глаза мертвеца. Лорд-защитник родом с Серконоса, как и я. Когда я увидел его, я вспомнил того юношу, которым приехал в Дануолл много лет назад. Так ли я собирался

прожить свою жизнь здесь? Я убил императрицу и отдал ее дочь заговорщикам. Кто мог знать, что мне придется переживать это еще, снова и снова — во снах? Говорят, Корво сбежал из Колдриджа, кто-то помог ему в этом, и я знаю, куда он отправится теперь. Нужно ждать и готовиться, теперь никто не избавит меня от него...

Этого было, пожалуй, чересчур много для Билли Лерк. Она мягко спрыгнула на пол и отправилась дальше по коридору, разминая затекшие ноги. Мастер не верит в то, что китобои смогут отстоять свое убежище от какого-то лордишки, пусть даже и защитника. Мастер на них не рассчитывает и готовится защищаться сам. Но этот проклятый Аттано будет прикончен еще до того, как приблизится к мастеру! Она, Билли Лерк, позаботится от этом, что бы там Дауд себе ни думал.

Дауд, впрочем, готовился к грядущему пришествию Корво Аттано весьма странно. Пока Билли Лерк усиленно тренировала свое мастерство убийцы и гоняла всех, до кого могла дотянуться, так что утомленные ассасины начали прятаться от нее по углам, Дауд потягивал белое серконосское вино у себя в «апартаментах» и читал донесения и сводки с таким увлечением, с каким юные аристократки читают дамские романы. Когда стало известно о таинственной смерти верховного смотрителя Кемпбелла, которого будто бы отравил в собственном кабинете во время приватной беседы Карноу, капитан городской стражи (от чего этот прямолинейный и недалёковидный вояка яростно отрешивался), Дауд затребовал себе ведро копченых крысиных хвостиков. Якобы наблюдать за дальнейшим развертыванием событий без ведра хрустящих копченых крысиных хвостиков будет решительно не так интересно и они нужны ему для полноты ощущений. Когда пришли новости о погроме в борделе «Золотая кошка», Дауд извлек из своего личного сундука бутылку бережно хранимого серконосского вина, подумал и присовокупил к нему тихо поющую руна. Все это он сложил в небольшой деревянный ящик посимпатичнее, затем своей рукой написал короткую записку и сложил туда вместе с остальным, а сам ящик водрузил на самое видное место в своем зале. Так он и стоял там открытым, никуда не перемещаясь. В записке значилось:

«Корво! Если ты читаешь это, то ты, вероятно, меня не застал. Отдыхай, угощайся вином, чувствуй себя как дома. Не уходи, не повидавшись со мной! Я скоро вернусь... или нескоро, это как получится.

P.S. Эта руна — мой подарок тебе.

P.P.S. Ребята не виноваты, они действовали по моему приказу. Постарайся никого не убить.»

Билли Лерк была крайне озадачена этой запиской, до такой степени, что даже рискнула подойти со своей озадаченностью к Дауду. Будто бы по делу заведенный разговор о Корво Аттано быстро свернул в странное русло.

— Его глаза, — мечтательно сказал Дауд, забывшись, — страстные глаза убийцы... Как он меня ненавидит! У нас на Серконосе никакая любовь невозможна без убийства и песни. Интересно знать, какой у него голос, когда он поет... Я мог бы сыграть ему на гитаре фламенко!

Тут Дауд очнулся, а Билли Лерк стремительно ретировалась. Она неуверенно чувствовала себя в водах страсти, ей куда проще было говорить о текущих делах и тонкостях управления бандой, о приемах боя и всем таком. Иногда, под лирическое настроение, она могла немного поговорить о своем трущобном детстве, но «любовь невозможна без убийства и песни»... Это было слишком. Билли Лерк чувствовала

смущение и ярость, — то, что она не умела говорить о чувствах, не означало, что их у нее не было. Невысказанные, они кипели, пожалуй, еще сильнее.

Когда стало известно о готовящемся приеме в поместье Бойлов, Билли, пришедшая с отчетом, застала Дауда у створки окна — тот в отражении пытался разглядеть себя. Был выбрит! И поправлял бордовый шейный платок, который выглядел на его загорелой грубой коже неожиданно привлекательно. Билли непроизвольно облизнулась.

— Мастер? — спросила она хрипловато, кашлянула и сказала снова. — Мастер, вы куда-то собираетесь?

Дауд промычал что-то неопределенное, срывая платок с шеи, затем сказал.

— Бойлы. Рассчитываю быть на их приеме. Надо прилично выглядеть, чтобы сойти там за своего.

— Могу я спросить, зачем? — сказала Билли, предчувствуя неладное.

Дауд некоторое время молчал. Было видно, что он раздумывает, указать ли Билли ее место или не нагнетать конфликт и дать ответ, и как его лучше сформулировать.

— Там проще всего будет решить некоторые мои — и наши, — проблемы, — сказал он наконец, — и я собираюсь это сделать.

— Корво Аттано? — спросила Билли неприязненно. — Вы об этом? Он будет там?

— Не занимай этим голову, Билли, — сказал Дауд. — Я сам с ним разберусь.

— Как скажете, — сказала Билли с хорошо (она на это надеялась) скрытой досадой.

Сам разберется он, как же... Да кто ему даст разобраться самому! Гитарку, интересно, с собой прихватит? Билли представила Дауда поющим серенаду под балконом особняка леди Бойл, и лорда Аттано томно вззирающим на него сверху, сложив чистенькие аристократические ручки на мраморный парапет. Никакой мерзкий лорд не отнимет у нее, Билли, ее Дауда! Вечно все лучшее достается этим недорезанным дворяшкам, но только не в этот раз, нет!

Оказавшись в одиночестве в общей спальне ассасинов, днем пустой, Билли вытащила из старой конторки лист бумаги, перо и принялась быстро писать, временами оглядываясь, не видно ли кого рядом.

«Дорогие заговорщики!

Мне известно о некоторых планах вашего союзника лорда А. касательно вас самих и будущего империи. Вы наверняка отдаете себе отчет в том, что его союз с вами — вынужденный. Это безусловно так и есть. Лояльность лорда А. к вам — видимость, он избавится от вас, как только обстоятельства станут располагать к тому, и я могу уверить вас, что это произойдет скоро. Завтрашняя операция на приеме леди Б. приближает вас к развязке. Как видите, я в курсе ваших планов, надеюсь, это убедит вас довериться тому, что здесь написано. Позаботьтесь о том, чтобы избавиться от лорда А. раньше, чем он почувствует, что руки его развязаны. Особенно хорош в этом деле яд, подлитый в вино во время дружеской попойки, верьте моему опыту.

*С пожеланиями счастливого будущего,
доброжелатель.»*

...печенькой

— Крысы! — сказал адмирал Хэвлок. — Вот вам немножечко естественнонаучных фактов, которые вы так любите, Соколов. Стая крыс обгладывает ребенка до костей за тридцать секунд. Сколько времени понадобится крысам, чтобы сожрать взрослого мужчину. Вам не любопытно? Мне — да.

Адмирал от души врезал по грязному боку металлического контейнера. На контейнере белой краской когда-то давно была нарисована гончая. С самого начала едва узнаваемая фигура теперь была порядочно истерта. Собачьих боев здесь не проводили, кажется, вечность, с тех пор как чума выкосила город и целые районы обезлюдели и оказались перекрыты. Внутри контейнера раздался возбужденный многоголосый писк. Крысиные лапки зашуршали по стенкам, что-то ударилось о металлический борт изнутри, и снова стало тихо. Крысы, как и адмирал, испытывали определенное любопытство к неопрятному человеку с неаккуратной, густо отросшей бородой, который нервно прохаживался сейчас внутри пустой клетки для собачьих боев по обшитою металлическими листами полу, под слепяще-мертвым светом прожекторов. У этого человека был взгляд фанатика, готового гореть на всех кострах по очереди, Корво разглядывал его с интересом. Точно такой же взгляд под маской Корво некому было разглядывать. Никто бы и не захотел.

Корво представил, как вся эта кровожадная дрянь мелко топчется по ржавому дну контейнера и втягивает десятками жадных носов близкий запах живого человеческого мяса.

— Крысы? Теперь вы с ними водите знакомство, адмирал? — сказал Соколов с брезгливой иронией.

Адмирал заложил руки за спину и снова, в который уже раз, вернулся к единственному вопросу, который имел для него значение. К иронии он был нечуток.

— Нас интересуют ваши знакомства, Соколов. Вы писали портрет любовницы лорда-регента. Эта женщина дает ему деньги на содержание армии. Это знатная особа, без ее поддержки лорд-регент быстро утратит контроль над городом. Ее имя! Оно нужно нам, и вы нам его скажете.

— Я человек с несгибаемой волей! — сказал Соколов, сжимая кулаки с яростью и отвращением, скрывать которые он даже не пытался. — Вам, кучке заговорщиков, которые прячутся здесь как трусливые псы в этих сырых трущобах среди миног и ржавчины не запугать меня! Ни один из вас не способен быть мужчиной и пяти минут и не рискнет даже выпить со мной. Я не стану с вами разговаривать!

— Что ж, посмотрим, голодны ли крысы... — задумчиво сказал адмирал и потер подбородок. — У нас недостаточно времени, чтобы тратить его на этого человека. Крутаните вентиль, Корво. Пожалуй даже стоило сделать это раньше.

— Потерпите, Фарли, — сказал Корво. — У меня есть одна идея. Если к полудню у нас не будет нужной информации, можете задавать обед крысам, но я думаю, что она у нас будет.

В углу клетки фыркнули с демонстративным высокомерием, за Корво хлопнула дверь.

— Бренди «Кинг-Стрит»! Грандиозно! Где вы раздобыли его в этой дыре? Сразу видно, Корво, что вы человек со вкусом, — сказал Соколов, вцепившись в тяжелую граненую бутылку мертвой хваткой. — Не откажитесь распить со мной этот бренди, Корво, прошу вас! Здесь нет ни одного достойного уважения человека, а пить в одиночку я не люблю.

Отступить было некуда, к тому же Корво чувствовал острое желание сбросить напряжение последних дней и немного расслабиться.

— Леди Бойл, — говорил Соколов через два часа. — Клянусь вам, это все, что я знаю. Я писал ее со спины и, черт возьми, там было на что посмотреть! Но лица я не видел. Я не успел узнать, которая из сестер позировала мне. Вам этого должно быть достаточно, а, Корво? Вы неплохо разбираетесь с людьми...

«В людях, — хотел поправить Корво. — Я неплохо разбираюсь в людях, вы хотели сказать...» Но, подумав, решил, что Соколов хотел сказать именно то, что сказал, — и промолчал. Тело Корво было легким, как никогда, а голова совсем немного кружилась. Бренди оказался обжигающе крепок, вероятно, благодаря нескольким каплям ворвани в его составе, шел он легко и необыкновенно освежал голову.

— Чертовски неплохой получился портрет, — сказал Соколов с усмешкой. — Сегодня вечером меня должны были представить леди на маскараде в их имении, но что-то мне подсказывает, на прием к Бойлам я не попаду. Вам стоило выкрасть меня завтра, если вы хотели знать больше.

— Благодарю вас, вы уже дали нам больше, чем мы могли мечтать. Я поговорю с остальными, чтобы вас быстрее выпустили отсюда, — сказал Корво и легким шагом отправился прочь. На выходе он отчего-то несколько раз не смог вписаться в дверной проем и в конце-концов предпочел перенестись под полные неожиданного испуга вопли и крики «Ах! Вы это видели?», «Магия! Раздери меня Аутсайдер!» и «Этого парня и три ящика реактивов — в мою лабораторию! Немедленно!».

На реке Корво старался не смотреть в воду — на ее поверхности в грязной, темной ряби быстрого течения ему мерещились мерзости. Он видел живого мертвеца, голый череп из обломков стали, фасеточные глаза насекомого и рваную мышечную ткань под кожей, которой нет, и волокна металлических прутьев, стягивающие безгубый рот. Все это таранилось на него из воды и издевательски скалилось. Корво никак не мог отделаться от чувства, что сейчас оно засмеется или заговорит, а потом вынырнет из реки и вцепится ему в горло. Когда на поверхности воды отразился силуэт толлбоя, похожий на огромное пламенеющее насекомое на длинных тонких лапах, Корво даже почувствовал некоторое облегчение.

Поместье Бойлов рассыпалось огнями и грохотом над его головой. Там, где они причалили, в реке отражался фейерверк и яркие лампы воздушных шаров. Они светились, как медузы в толще воды, и заливали своим белым светом квартал особняков. Больше в реке не отражалось ничего, и это было к лучшему. Старый лодочник Самуэль, ничуть не скрывая отвращения, порадовался вслух, что возвращаться в этом благоухающем аристократизмом обществе придется не ему, и пожелал Корво удачи.

На балу Корво плыл в потоке крепкого табачного дыма и винных паров. Со всех сторон он ловил обрывки бездумных разговоров аристократии. Временами очередная беседа о вываренных костях слуг, превращенных в амулеты Бездны, о чьих-то высосанных до последней капли племянниках и ритуалах на крови, которые практикует баронесса Б., казалась ему прилетевшей из ниоткуда. Голоса звучали в воздухе там, где людей вовсе не было, леди и джентльмены шествовали мимо, а их смех продолжал звенеть на месте.

В холле бренди «Кинг-Стрит» толкнул Корво под локоть, и тот вписал свое имя в книгу для гостей. Золотым пером, лучшим из своих почерков, вместе с полным титулом.

В большом зале Корво обнаружил фонтан с выпивкой и бренди «Кинг-Стрит» затребовал себе компанию. Корво покорился. Уж прирезать женщину он сможет и пьяным, даже если походка станет несколько нетвердой. Кроме того, с треклятыми леди Бойл ничерта понятно не было и без пол литра хорошего вина было никак не разобратся.

Если бы их платья не разнились цветом, Корво легко мог решить, что у него троится в глазах и на самом деле леди всего одна — настолько они были неразличимы голосом и манерами. Все вокруг без конца болтали о какой-то салонной игре и фамильной камее, обещанной победителю, который узнает и назовет всех сестер Бойл, скрывших лица за одинаковыми масками. Корво не был настроен ни играть в шарады, ни заклинать демонов и нарекать им имена. Он всерьез раздумывал над тем, не избавиться ли от всех троих, чтобы не морочить себе голову.

Дамочка с головой мотылька несколько прояснила ситуацию, когда Корво принес ей выпить, но его настроя это не изменило.

— Вы очаровательны в этой безвкусной маске! — сказала она и игриво шевельнула мохнатым губным щупиком. — Как мне отблагодарить вас за выпивку? Вы участвуете в этой глупой игре, которую они тут устроили? Столько беготни из-за дурацкой камеи... Все только и делают, что гадают, которая леди Бойл только что раскланивалась с ними, а я вам сразу скажу: Вейверли сегодня в белом, а Лидия — в черном. Нетрудно догадаться, кто скрывается за красной маской, неправда ли, Корво?

Сказав это, дамочка принялась жужжать и мелко трепетать полупрозрачными крылышками и ничего путного от нее добиться было больше невозможно. Позже Корво так и не смог вспомнить, правда ли она называла его по имени, или это пригрезилось ему в винной дреме, как и все прочее. Он смутно помнил, что пристрелил в саду волка и собирался содрать с него шкуру, чтобы преподнести ее лорду Тревору Пендлтону, но что-то отвлекло его. Потом он, кажется, видел, как двое поджарых хищников помельче оттаскивают волчью тушу в сторону и исчезают в кустах.

Когда в курительной комнате его поймал за рукав страшный как абстинентный синдром механический кролик и поведал о своей горячей любви к Эсме Бойл, Корво уже ничему не удивлялся. Он просто сделал то, о чем просили — притащил леди-Бойл-в-красном в погреб под кухней и проводил взглядом лодку с ее телом, которая быстро скрылась в темноте снаружи. От вина ли, но Корво казалось, что лодка и плывущие в ней люди объаты пламенем, и оно отражается в воде пляшущими длинными языками.

Наутро Корво готов был из кожи вывернуться, так ему было дурно, но все вокруг отчего-то радовались и рассказывали, как славно все прошло вчера и как хорошо он сработал. Соколов разгуливал на свободе и смотрел на Корво с гордостью и одобрением. Один Самуэль отводил глаза и категорически отказывался рассказывать, как доставил Корво обратно в «Песью яму», быстро сводя все разговоры на нет.

Корво осушил целых два флакона бальзама Пьеро подряд, чтобы немного прийти в себя, но это нисколько не помогло. Зато метод Соколова быстро поставил его на ноги.

— Подобное лечится подобным, мой дорогой Корво! — сказал Соколов и плеснул на дно стакана бренди «Кинг-Стрит», сколько его еще оставалось в бутылке. Через несколько минут заметно приободрившийся Корво готов был на каждом углу расхваливать Соколова как гения натурфилософии.

Метод Соколова оказался вполне годным для того, чтобы снимать усталость и нервное напряжение постоянно. Каждый свободный вечер Корво стремился скорее

воспользоваться им, чтобы вернуть бодрость духа и унять беспокойство за судьбы империи. Едва отмывшись от пыли и крови, он шел в паб и неизменно находил там Соколова. Бренди «Кинг-Стрит» давно закончился, но виски «Старый Дануолл» тоже неплохо поднимал тонус, как и дешевый джин в живительном сочетании с тивианским крепким ромом. Под разговоры о натурфилософии и старых добрых временах Корво залечивал душевные раны, и сеансы затягивались до рассвета. Каким-то чудом Корво еще успевал убивать, а Соколов — продолжать свои эксперименты с чумными крысами и поиски лекарства. Дело лоялистов двигалось.

Смерть лорда-регента праздновали всей «Песьей ямой». Слуги обнимались с аристократами, даже принцессе Эмили налили немного сладкого красного вина. Корво не помнил, как оборвал жизнь старика Берроуза. Кажется, он простодохнул на него.

Улыбающийся, счастливый Пендлтон летел ему навстречу с огромным блюдом свежего, еще теплого печенья в руках. От блюда одуряюще пахло ванилью и сдобой.

— Корво, мой дорогой Корво! — сказал он и поставил блюдо на стойку бара. Оно мешало ему обниматься.

— Лорд Аттано! — загремел над ухом Корво голос адмирала Хэвлока. Обернуться и пожать тому руку было трудно, поскольку на шее у Корво висел Пендлтон. Это смущало.

— Вы и только вы — истинный спаситель империи! Все мы лишь жалкая кучка влиятельных трусов, Корво! — возвестил адмирал. — Мы сидели бы здесь, пили, строили планы и стреляли по бутылкам еще тысячу лет, пока крысы не сожрали весь Дануолл, но вы! Вы вернули нам силу и уверенность! Теперь все станет по-другому!

— Корво, попробуйте печенье, — сказал лорд Пендлтон. — Каллиста испекла его специально для вас по фамильному рецепту бабушки Карноу. Она будет так печалиться, если вы не попробуете!

— Конечно, — пробормотал Корво и подцепил печенье с блюда. Пахло оно замечательно.

Корво откусил немного. Печенье оказалось вкусное и хрустящее. Корво бросил в рот оставшийся кусок и захрустел, оглядываясь по сторонам в поисках какого-нибудь полного стакана или откупоренной бутылки. Не есть же в самом деле всухомятку.

— Вкусно, — сказал он. — Пойду нацежу себе еще немного вина, Тревор. Захватить и вам стаканчик?

Корво с силой оттолкнулся от стойки, встал... и не смог удержать равновесия. Его повело в сторону, перед глазами замелькали зеленые «мушки», сердце заколотилось как бешеное, а на языке появился привкус металла и желчи. «Яд! — успел подумать Корво, оседая на пол. — Чертово печенье отравлено!» — и потерял сознание.

...из-за тонкой душевной организации (а еще потому что у Тревога Пендлтона никогда не было хорошего психотерапевта)

В Сигарной комнате висел острый запах крепкого дорогого табака. Кто-то курил здесь, и определенно совсем недавно, но теперь исчез. Дым густо клубился под потолком и путался в полах тяжелой бордовой ткани, которая драпировала стены и свисала с балок причудливыми тяжелыми волнами, превращая комнату в подобие шатра. Заодно она хорошо глушила крики и щелчки хлыста, которые временами раздавались отсюда. Корво валялся, вытянувшись на оттоманке среди круглых бархатных подушек с золотым кантом. Все его тело было расслаблено, а взгляд устремлен вверх. Подушки пропахли табаком. Портьеры, истоптанные ковры, ширмы и каменная ваза с каскадом бурно разросшихся неухоженных цветов — очертания всего этого скрадывал дым. Но украсть и спрятать целого человека дым не мог, а Кастиса Пендлтона между тем не было в комнате.

Запах табака выветрился и утратил остроту, и Корво осознал, что дальше убеждать себя, будто Кастис вернется в комнату, нет никакого смысла. Охрана борделя патрулировала коридоры и холлы, а в комнаты для «гостей» вривалась только в случае общей тревоги. Так предписывалось служебными инструкциями. На деле офицеры стражи дымили дешевыми сигаретами на открытых террасах и болтали со шлюхами, а иногда тихо напивались где-нибудь за ширмой. Пробраться в «Золотую кошку» незамеченным и выбраться оттуда мог даже ребенок, — малышка Эмили благополучно улизнула, стоило только отпереть ее, и теперь ждала его у черного хода. Все же Корво решил, что задремать на оттоманке и потерять контроль над ситуацией — не лучшее решение. Он легко поднялся, крепко потянулся, раскинув в стороны руки со сжатыми кулаками, рассеянным взглядом прошелся по комнате в последний раз, смел со стола плотно набитый кошелек тонко выделанной кожи, который Кастис Пендлтон неосмотрительно оставил без внимания, и исчез. Корво умел восстанавливать силы за несколько минут глубокой релаксации в любом достаточно безопасном месте, это ему часто помогало.

Записи в книге регистрации гостей гласили, что Кастис Пендлтон собирается уединиться со шлюхой в Сигарной, а Морган Пендлтон, его брат, займет Кремовую комнату на втором этаже. Корво проверил сауну внизу на случай, если у Кастиса вдруг переменилось настроение, но в парилке нашел только офицера стражи, который вовсю злоупотреблял своим служебным положением, и больше ничего интересного. Милостиво оставив офицера злоупотреблять дальше, Корво отправился на второй этаж. Там дела на первый взгляд обстояли немножечко странно. На второй — тоже. Перед парадной дверью Корво обнаружил офицера стражи, который протирал форменные брюки, припав глазом к замочной скважине, а коленом — к полу. Время от времени офицер начинал неудержимо хихикать и ладонью зажимал себе рот, затем снова припадал к замочной скважине. Корво решил не мешать ему развлекаться и воспользовался маленькой дверью, которая вела в комнату снаружи, с террасы.

Внутри Корво обнаружил Моргану Пендлтону, а также, сверх ожиданий, его брата Кастиса и двух шлюх. Перед внутренним взором Корво за долю секунды пронесся целый ряд неприличных картин и соображений касаясь того, зачем все эти люди собрались в одной комнате, но реальность выглядела еще более причудливо, чем он мог предполагать. Пендлтону и девицы сидели вчетвером на самом краю огромной, как зал

для приемов, круглой кровати в резьбе и алых покрывалах. Все они внимательно рассматривали что-то, лежащее на коленях у одного из братьев, и хихикали.

— А здесь Тревору пять лет. Мило, не правда ли? — сказал один из близнецов Пендлтон. Когда братья были рядом, различить их было невозможно.

На мгновение Корво смутился и почувствовал себя отчаянно испорченным человеком, но это быстро прошло, когда Пендлтон сказал.

— Морган держит, а я пытаюсь засунуть его голову в пасть нашему ручному питону. Ничего не вышло, он орал как резаный и поднял весь дом, даже гончих на псарне. Жаль.

Корво занял позицию поудобнее и воспользовался встроенной в маску увеличительной оптикой, чтобы рассмотреть все поближе. На коленях у предполагаемого Кастиса Пендлтоне лежал толстый альбом с землистого цвета фотокарточками, вклеенными за уголки. Кастис перевернул страницу.

— Это мы привязали Тревора за запястья к спинке кровати. Кажется, тут он уже без сознания.

Девушки начинали хихикать в унисон над каждой новой фотографией. Разобрать, правда ли им смешно, или они просто притворяются, было так же трудно, как понять, получают ли они удовольствие от секса. Морган расслабленно ухмылялся.

— Сколько нас тогда было, ты помнишь? — спросил он.

— Нет, — сказал Кастис равнодушно. — Я был пьян как китобой и вспомнил о нем через сутки, когда все немного пришли в себя и уже начали разъезжаться. За это время кто-то успел подняться наверх еще с десяток раз и воспользоваться Тревором, может быть... Вроде бы я слышал какие-то крики. Или они поднимались туда, чтобы растаскивать запасы моего гашиша, припрятанные в баре. Не имею понятия.

— Хорошая была вечеринка, — сказал Морган. — А Тревор может быть даже вполне терпим, если не развязывать его пару суток.

Братья захохотали, девушки послушно вторили им, и Кастис снова перевернул страницу.

Через двадцать минут Корво знал о Треворе Пендлтоне достаточно, чтобы шантажировать того до конца жизни.

*«Таинственное исчезновение глав Консервативной партии Парламента!»,
«Морган и Кастис Пендлтоне никогда не смогут воззвать о помощи — их языки отрезаны!». Банда Слекджова берет ответственность на себя!»,
«Где же, где же их белые косточки?! Леди Вера Морэй под подозрением!»,
«Странная цветочница! Мамаше Бартон, разносчице фиалок с Клеверинг, явился Аутсайдер и поведал, где держат братьев Пендлтон! Редакция объявляет о начале расследования!»,
«Аббатство Обывателей: никакой мамы Бартон не существует! А что это вы так морщите нос от нашей музыки?»,
«Таинственное исчезновение нашего корреспондента!»*

Газеты задавали десятки вопросов каждый новый день, и лорд Тревор Пендлтон делал то же самое. Поначалу он вполне спокойно принял от Корво новость о том, что его братья сгинули где-то в глубинах собственных рудников, и даже поблагодарил лорда-защитника за такое гуманное решение. Благодарность вышла несколько неискренней, потому что лорд Тревор Пендлтон на тот момент все еще не мог определиться — лучше, чтобы его братья были живы и безвредны, или лучше, чтобы они были полностью мертвы? Прочитав об этой истории в газетах лорд Пендлтон вопреки ожидаемому

несколько успокоился и склонился в сторону «лучше живы». Некоторую тревогу вызывал источник, подкинувший эту информацию прессе, но ушлые журналисты могли добыть ее поистине откуда угодно и обвинять кого бы то ни было в лицо было не в интересах лорда Пендлтона, особенно без должных оснований.

Когда Корво через день или два мимоходом обронил в беседе: «...в том порту, где я передал бесчувственные тела ваших братьев в руки работорговцев...» лорд Пендлтон подумал, что он шутит. Когда Корво нимало не смущаясь своей очевидной лжи сымпровизировал версию о борделе для мужеложцев на Тивии, куда братья Кастис и Морган отправились, перед тем пережив частичную операцию по перемене пола, лорд Тревор Пендлтон подумал, что он шутит очень скверно. Еще через день лорд Пендлтон узнал, что на самом деле веселый лорд Аттано до беспамьятства напоил его братьев возбуждающим наркотическим зельем, которое они так любят, а затем, когда те в порыве страсти пооткусывали друг другу языки, сдал их как бродяг в Академию Naturфилософии — для опытов.

— Бездна! Просто скажите мне, что вы их убили и сбросили тела в Ренхевен, где миноги обглодали их до костей! — возопил лорд Тревор Пендлтон, взвинченный до крайней степени.

На это веселый лорд Аттано расхохотался громким голосом и распался лоскутками тьмы прямо перед его носом.

— Оставьте его, Тревор, — говорил невозмутимый адмирал, протягивая лорду Пендлтону выпивку, которую тот принимал трясующимися руками. — Он так шутит, снимает стресс.

Временами Корво задумывался о том, что нехорошо доводить нервного союзника до ручки, но эти мысли быстро вылетали у него из головы. После всего, что ему довелось увидеть и услышать в борделе, относиться к Тревору серьезно не получалось — тот вызывал неудержимое, почти физиологическое желание дразниться. Корво смутно, наполовину в шутку подозревал, что в «Золотой кошке» слишком долго находился в опасной близости от братьев Пендлтон и, вероятно, подцепил от них вирус зловредной нелюбви к их младшему, но ничего не мог с собой поделать. Кроме того, правда все равно не сделала бы жизнь Тревора проще.

Когда адмирал Хэвлок предложил устроить маскарад в честь победы союза лоялистов над лордом-регентом и грядущей реставрации монархии, а Корво, обсуждая маски, невинно заметил, что лорду Пендлтону будет к лицу маска питона с раскрытой пастью, Тревор понял, что его братья никуда не пропадали — они сидели перед ним.

«Корво что-то знает!» — писал лорд Пендлтон в своем дневнике поздно ночью, нервно подергиваясь на шорохи. Писал он в темноте — боялся, что Корво заметит огонь лампы. Лорд-защитник в это время крепко спал у себя наверху, их разделяли балки и перекрытия этажей, запертые двери, стены и тот факт, что лорду-защитнику было совершенно плевать, чем занята голова несчастного лорда Пендлтона и о чем он пишет в своих тетрадках. Руки Тревора тем не менее дрожали, а неровные строчки гуляли вверх и вниз.

«Корво что-то знает! Это заговор! Все сговорились против меня, но им не удастся меня извести! Тивианский яд... Надо проверить запасы. Я отравлю их всех, одного за другим!.. Где мои братья, мертвы ли они? Сегодня ночью я проснулся от смеха в комнате...

Аттано будет первым!»